

Москва
театр "Сатирикон"

Советская молодежь 24 МАЙ 1988

— Константин, последняя большая работа театра спектакль «Что наша жизнь?» — вызывает много споров.

— Я думаю, так и должно быть. Ведь спектакль поднимает серьезные, волнующие каждого вопросы: например, зачем живет человек, в чем видит смысл жизни и как следует этому следовать... Однозначно ответить на них трудно, да театр и не делает этого. Мы предлагаем зрителю попытаться разобраться в этих даedaleic простот вопросах. От тех, кто в зале, требуются определенные душевные усилия, работа ума... Но, увы, приходится порой слышать после спектакля горькие слова, что хорошо, мол, только финальный танец, а все остальное — головоломка какая-то.

Это тревожит нас. Значит, недостаточно убедительно играли: если не прозвучат остроумные строки Лермонтова, Шекспира, Мандельштама

ГОСТЬ «СМ» — КОНСТАНТИН РАЙКИН

«По-прежнему — с театром»

тронули зрителя, а лишь развеселый танец... И все же, мне кажется, что дело не только в нас. Со зрителем тоже что-то не в порядке...

— Зрителя, как говорится, не выбирают. Ну а если бы представлялась возможность?

— Самым лучшим зрителем я считаю зрителя думающего. Хотелось, чтобы зритель и нам шел не просто так — развлечься, похихикать, расслабиться. Думаю, любой актер мечтает о зрителе, который, собираясь к нам в гости, говоря образно, не оставлял бы голову дома.

— Константин, в спектаклях вы часто выступаете и как хореограф, и как соре-

жиссер. Не мешает ли такое совмещение профессий?

— Конечно, мешает. Но делаю я это, как говорится, не от хорошей жизни. Буду рад, если найдется режиссер, который поставит наш спектакль целиком, от начала до конца. Пока такого режиссера у нас в театре нет, и найти его непросто. Не потому, что мало талантливых мастеров. Но нам нужен единомышленник, человек, близкий по духу.

— Обычно автор приносит готовую пьесу, и театр, если считает нужным, ставит спектакль, корректируя сценарий по ходу работы или оставляя его неизменным...

— У нас все наоборот.

От первоначальной заготовки автора к концу работы, как правило, ничего не остается. Бывает, что сценария вообще нет, а мы по какому-то удачному задумкам уже начинаем репетировать. Это колоссально сложная, изматывающая и долгая работа. Первый наш спектакль «Лица», например, готовился 3 месяца. «Что наша жизнь?» — 18.

С кем из авторов вы в основном работаете?

— Для нас пишут Арканов, Семен Альтов, Михаил Мишин. Сейчас работаем вместе с Григорием Горным.

— Константин, в ваших спектаклях много музыки, танцев...

Они входят в драматургию спектакля. То, что мы делаем на сцене, — это актерство, положенное на фильм, музыку.

— Как вы определяете для себя жанр, в котором работаете?

— Дать ему название очень трудно. Наш театр — это театр ярких форм, ярких локальных ролей. Театр, если хотите, переднего края, сражающийся, где главная действующая личность — сатира. Наши короткие мимифоры призваны вызывать не просто смех, а смех сквозь размышления или, наоборот, размышления сквозь смех.

— Какие качества вы

цените в людях и что, по нашему, унижает личность?

— Ценю чувство человеческого достоинства, когда человек находит мужество признать свою ошибку, не боится отстаивать собственное мнение, умеет быть добрым и вежливым.

А унижает человека рабство. Угодничество, ханжество, трусость — все это тоже рабство. Ежедневно, ежедневно, каждую секунду нужно доказывать себе, что ты не раб. Если нет этой постоянной борьбы с самим собой, с внешними обстоятельствами, то волей-неволей человек начинает плыть по течению, становится инертным.

— Бывает ли у вас чувство неудовлетворенности собой?

— Конечно, бывает. Я считаю, что для человека, занимающегося искусством, чувство «удовлетворенности собой» — признак смертельной болезни духа.

В. РОМАНЧИН.